49

И 290/150

отъ автора.
Октябрь 22 с 1888
49/613 Тула

ВЛІЯНІЕ ХРИСТІАНСТВА

на

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ залѣ Тульскаго Дворянскаго Собранія, 15-го іюля 1888 года.

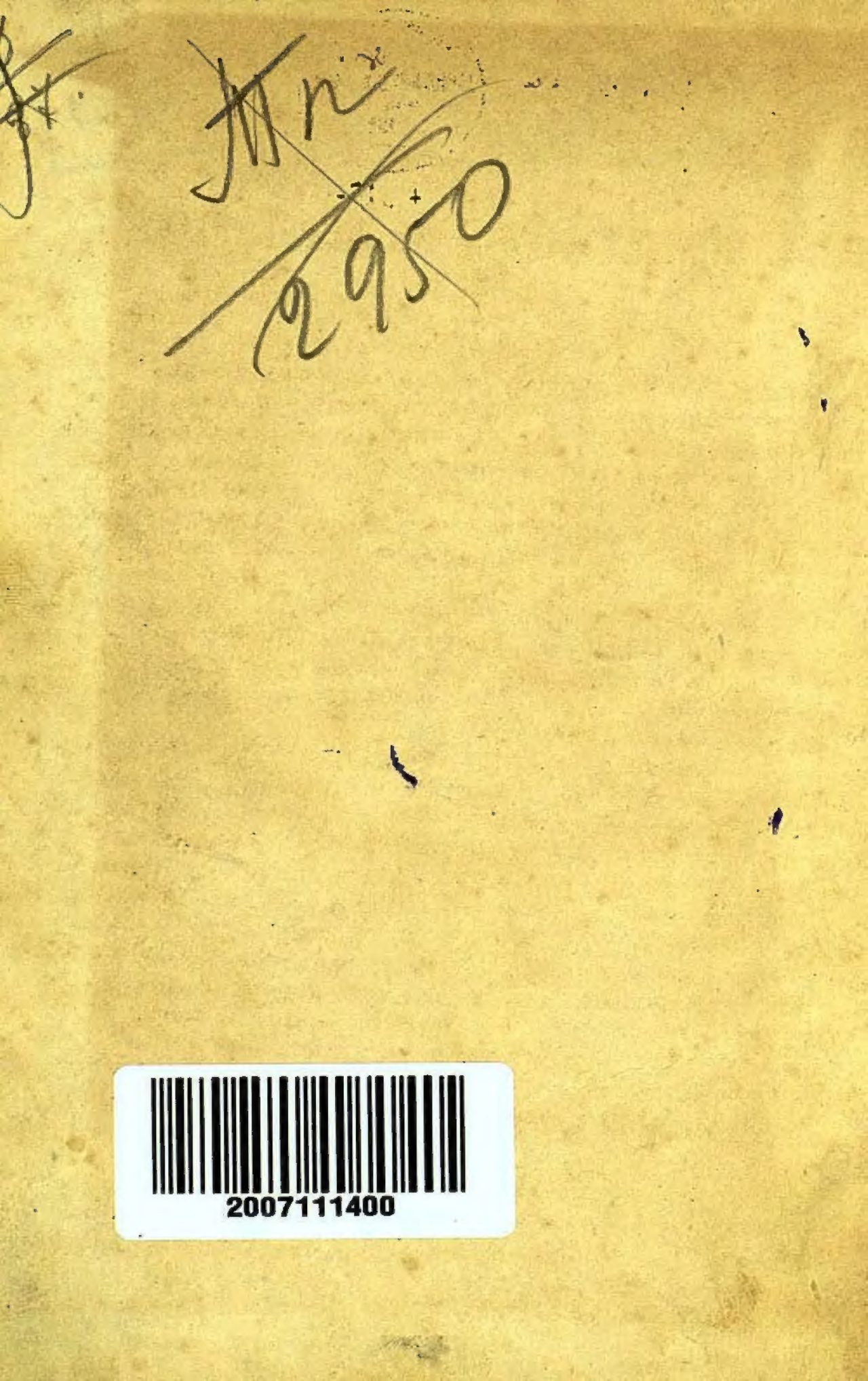
Преподавателя Тульской Духов. Семинаріи

Николая Троицкаго.

№ 10347

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ТУЛА.
Типографія Н. И. Соколова, Кіевск. ул., д. Козловыхъ.
1888.


2007111400

Троицкій.
Ц 290/150
ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
49/613
71085-44
N 10347

ВЛІЯНІЕ ХРИСТІАНСТВА НА ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА (*).

Девять вѣковъ прошло съ того дня, когда великій славяно-русскій народъ, по милости Божіей и по волѣ кіевскаго вел. кн. Владиміра, впервые, на берегахъ Почайны и Днѣпра, крестился во имя Отца и Сына и Святаго Духа и вышелъ изъ этой всенародной купели съ именемъ православнаго христіанскаго народа. Величайшее событіе въ жизни великаго народа, и прежде всего потому, что оно есть дѣло Божіе; а какъ такое, оно есть событіе историческое по преимуществу. Не девять только, а трижды девять вѣковъ прошло съ того момента, какъ было предуказано событіе, составляющее предметъ настоящаго торжественнаго воспоминанія. О дѣлѣ Божіемъ предсказало слово Божіе.

Вдали временъ, среди холмовъ святой земли торжественно прозвучалъ глаголъ Вседержителя устами величайшаго пророка, Исаіи: „будетъ въ послѣдняя дни явлена гора Господня, и домъ Божій на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ: и пріидутъ къ ней вси языцы, и пойдутъ языцы мнози и рекутъ: пріидите, и взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Іаковля, и возвѣститъ намъ путь Свой, и пойдемъ по немъ. Отъ Сіона бо изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима (Исаіи 2, 2—3). Прошло девять вѣковъ и настали „послѣдніе дни“ для Іерусалима, императоръ римскій Титъ взялъ и разрушилъ священный городъ. Но въ то время, какъ уничтожено было политическое значеніе

(*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ, въ залѣ тульскаго дворянскаго собранія, 15-го іюля сего 1888 года.

Сіона, ссылось пророчество Исаіи о его всемірномъ религіозномъ значеніи. Апостолы Христа пронесли „Слово отъ Сіона“ - Евангельскій законъ по всѣмъ странамъ греко-римскаго міра, и „гора Божія“, Сіонъ, возвысилась надъ всѣми холмами, гдѣ сосредоточивалось язычество во всякихъ видахъ. Жители Александріи, Кесаріи, Ефеса, Аѳинъ, Кориноа и Рима уже шли въ „домъ Бога Іаковля“: апостолъ и евангелистъ Іоаннъ, приближаясь къ концу своей дѣятельности, восклицаетъ: „Сія есть побѣда побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Іоан. 5, 4). Но были страны внѣ древняго государственнаго міра, отдаленныя отъ него, мало вѣдомыя ему, это - скиѳскія, славянскія, финскія страны отдаленнаго сѣвера. Здѣсь теперь предѣлы нашего отечества. Тогда на всемъ обширномъ пространствѣ его не было ни государственнаго строя, ни благодѣтельнаго образованія. Это было доисторическое время полудикихъ нравовъ, грубѣйшаго идолопоклонства и политическаго ничтожества. Словомъ, славяно-русскій народъ, какъ историческій народъ, въ обширной семьѣ человѣчества, не существовалъ. и отъ тѣхъ временъ не оставилъ никакихъ памятниковъ, которые говорили бы о его собственномъ человѣческомъ достоинствѣ. Жизнь язычниковъ славяно-руссовъ древній русскій бытописатель Несторъ, опредѣляетъ, коротко и ясно: „Живяху якоже всякій звѣрь“... Да, большая часть скиѳскихъ, славяно-русскихъ и финскихъ племенъ жила позвѣрски. Дѣятельность людей опредѣлялась и направлялась подъ преобладающимъ вліяніемъ инстинктовъ плоти, въ борьбѣ ея за существованіе: борьба съ природой, борьба съ нуждою, борьба со звѣрями, борьба съ врагами, взаимная борьба, вотъ что такое жизнь людей тѣхъ временъ. Только люди были вооружены не рогами и зубами, не когтями и копытами, а стрѣлами и мечами, каменными и желѣзными, бронзовыми и булатными. И долго, предолго длилась такъ эта жизнь, темная и холодная, какъ сѣверная ночь, среди дремучихъ лѣсовъ, сыпучихъ песковъ, гніючихъ болотъ... Но вѣщее слово пр. Божія непреложно: онъ сказалъ, что въ домъ Бога Іаковля „пойдутъ вси языцы“. И вотъ „свѣтъ отъ Сіона“ постепенно близился на вершины холмовъ нашей родной земли, доколѣ не насталъ „день спасенія“. Какъ въ цар-

ствѣ природы, такъ и въ царствѣ благодати, наступленіе „дня спасенія“ предварялось то звѣздами ночи, то денницей разсвѣта. Это были князья Аскольдъ и Диръ и мудрая княгиня Ольга. Появленіе этихъ людей въ Кіевѣ громко говорило, что „день Господень“ близко, что наступаетъ и „лѣто Господне пріятное“. Одного изъ внуковъ благовѣрной княгини Ольги, Владиміра, народъ называетъ „солнцемъ“. Названіе знаменательное, ибо и гласъ народа—гласъ Божій. Язычники боготворили солнце, а слѣдовательно и въ князѣ Владимірѣ они, по-своему, видѣли что-то божественное: что же? не что другое, какъ полноту языческаго благочестія Князь Владиміръ былъ столь ревностнымъ язычникомъ, что собралъ въ Кіевѣ предъ своимъ теремомъ все множество языческихъ боговъ племенъ славяно-русскихъ и приносилъ имъ даже человѣческія жертвы; язычество достигло здѣсь своего крайняго совершенства. Въ это-то время, по волѣ Промысла Божія, и нанесено было ему рѣшительное пораженіе. И „красное солнце“ русскаго народа—князь кіевскій сталъ дѣйствительно просвѣтителемъ великаго славяно-русскаго міра. И вотъ чрезъ девять вѣковъ послѣ того, какъ поражено было язычество греко-римское дѣятельностью апостоловъ, и провозглашена была апостольская „побѣда, побѣдившая міръ“, было нанесено рѣшительное пораженіе язычеству славяно-русскому равноапостольнымъ подвигомъ вел. кн. Владиміра. Во исполненіе словъ пророчества, „отъ Грекъ“ пришли „люди“ въ Кіевъ и сказали Князю: „пойдемъ въ домъ Бога Іаковля, отъ Сіона бо изыде законъ“... И вняли словамъ благодатнаго призванія и русскій князь и русскій народъ. По волѣ князя Владиміра въ 988 г. началось крещеніе народа въ Кіевѣ: предъ лицемъ самого князя и его бояръ, храбрыхъ и преданныхъ ему дружинниковъ, народъ крестился покорно. Такъ исполнилось слово пророка: „возвысилась гора Господня надъ холмами“ Кіева.

Какъ значеніе всякаго событія въ исторіи царства Божія, такъ и значеніе крещенія русскаго народа, должно быть разсматриваемо не въ моментъ его только совершенія, но въ его послѣдовательномъ и поступательномъ развитіи въ теченіи вѣковъ. Со дня крещенія рус-

ского народа прошло девять вѣковъ, время для дѣла Божія и для исторіи великаго народа славяно-русскаго не столь великое, чтобы значеніе христіанства могло открыться въ совершенной полнотѣ; однако время достаточное, чтобы усмотрѣть, что христіанство для русскаго народа есть дѣло главное, существенное и, по своему вліянію на его жизнь, высоко-превосходное.

По ученію церкви, крещеніе есть духовное рожденіе и крещающійся рождается въ жизнь духовную и святую; посему въ крещенномъ должна духовная природа возвыситься надъ тѣлесной и, подъ воздѣйствіемъ благодати, пріобрѣсти не только новое, совершеннѣйшее сознаніе, но и новыя силы для духовнаго усовершенствованія. Это сознаніе и эти силы могутъ обнаруживаться въ разное время въ разныхъ людяхъ не въ одинаковой степени и мѣрѣ, но въ народѣ, въ его цѣломъ, духовная его перемѣна должна обнаружиться рѣшительно. Наука не можетъ слѣдить дѣйствіе благодати въ самыхъ сердцахъ народа. Спаситель говоритъ о дѣйствіи Св. Духа въ крещаемомъ: „Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ и камо идетъ“ (Іоан. 3, 8). А потому внутреннее состояніе духа не подлежитъ наблюденію; можно слышать только „гласъ его“, т. е. можетъ быть наблюдаемо только выраженіе этого состоянія въ жизни, освящаемой новымъ сознаніемъ. Оно, освящая всю душу, направляетъ дѣятельность всѣхъ ея силъ и вмѣстѣ опредѣляетъ характеръ всѣхъ сторонъ жизни. Осѣненный крестомъ на лонѣ Днѣпра, русскій народъ вышелъ изъ водъ крещенія съ сознаніемъ своей „святости“, т. е. съ сознаніемъ, что его прежнія мысли были ошибочны и дѣянія грѣшны, а теперь онъ стоитъ на пути истины и добродѣтели, освященъ, отдѣленъ отъ другихъ и возвышенъ надъ прочими народами не одной съ нимъ вѣры. Отсюда все прочее — иновѣрное, инородное, иноязычное, необычное стало для русскаго человѣка „поганымъ“: идолище поганое, головы половецкія поганыя, татаринъ, казаринъ и пр. всѣ поганые. Подъ вліяніемъ такого сознанія, путемъ постепеннаго перевоспитанія, слагался и самый строй, и образъ жизни христіанской Руси. Но какое учрежденіе

было столь могущественнымъ, чтобы перевоспитывать одновременно всю темную массу русскаго народа? Это учрежденіе — православный храмъ, съ его внутреннимъ благолѣпіемъ и богослуженіемъ.

Нашъ прапредокъ — полудикій славянинъ восточной Европы преклонялся предъ силой грозной, неодолимой. Если эта сила проявлялась въ облакѣ, камняхъ, деревьяхъ; то онъ покланялся грозовой тучѣ, громадному камню, крѣпкому зеленому дубу и т. д. При такомъ воззрѣніи, когда Богъ есть стихія или произведеніе стихіи, непосредственно находящеяся въ природѣ, мысль о капищѣ для бога не могла найти себѣ художественнаго выраженія. Искусство одухотворяется идеями, а этихъ-то идей въ славянскомъ язычествѣ и не было; не было поэтому и искусства въ собственномъ смыслѣ. Съ принятіемъ христіанства, воспринята мысль о Богѣ невидимомъ, а вмѣстѣ и о храмѣ, достойномъ Его имени; эта мысль впервые породила искусство и дала разъ и навсегда глубочайшую основу для его безконечнаго совершенствованія. Нѣкоторые изслѣдователи, ссылаясь на краткія и неясныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и на рисунки русскихъ рукописей, предполагаютъ, что на Руси и до христіанства было зодчество(1). И это несомнѣнно. Но должно строго различать между зодчествомъ—ремесломъ и зодчествомъ—искусствомъ. Изучая, напр., архитектуру египетскаго храма, изслѣдователи восхищаются его величественными деталями, громаднѣйшими колоннами на подобіе пальмъ и пр.; однако же египетскій храмъ, по своему назначенію, служитъ помѣщеніемъ для быка—Аписа и потому представляетъ великолѣпный хлѣвъ, не болѣе того, и, при всемъ своемъ техническомъ совершенствѣ, въ развитіи зодчества, стоитъ на той же степени, какъ и тѣ конюшни, украшенныя мраморомъ и порфиромъ, которыя построилъ въ Византіи императоръ Михаилъ III-й. Евангеліе возвѣстило міру, что должно поклоняться не стихіямъ, не

(1) А. Павлиновъ. О планѣ исторіи архитектуры въ Россіи. Изъ „Художественныхъ Новостей". 1886 г. № 23-й.

животнымъ, не людямъ, а единому Богу, который есть Духъ, для котораго небо есть престолъ, а земля—подножіе. Посему весь міръ есть нерукотворенный храмъ Божій; а потому и рукотворенный храмъ Божій долженъ быть подобіемъ всего видимаго міра. Эту глубочайшую идею храма впервые великолѣпно выразилъ византійскій императоръ Юстиніанъ въ созданіи знаменитой церкви св. Софіи—цареградской. На Руси первыми зодчими были греки. Прійдя сюда, они со своимъ мастерствомъ принесли и возвышенную идею храма Божія. Это краснорѣчиво и рѣшительно сказалось въ построеніи греческими мастерами великой церкви Кіево-Печерской Лавры. Составитель (первой части) Печерскаго Патерика, сказавъ „о созданіи и освященіи церкве Печерскія“, въ концѣ разсказа прибавляетъ: „Богъ въ Троицѣ покланяемый сооружити Себѣ возлюби пречестную сію церковь во имя любимыя Себѣ небесныя Царицы, явѣ яко и пребываетъ любовнѣ зѣ... Что убо о ней речемъ? Поистинѣ свята церковь сія есть, дивна въ правду и небеси подобна“(2). Это говорилъ варягъ Шимонъ, впослѣдствіи Симонъ, епископъ суздальскій. Воззрѣніе епископа Симона важно въ томъ историческомъ отношеніи, что вмѣстѣ съ нимъ оно перешло во владиміро-суздальскую область, потомъ въ Москву, и такимъ образомъ сдѣлалось достояніемъ всей сѣверо-восточной руси. Въ томъ же Патерикѣ говорится, что по подобію Кіево-Печерской церкви построены храмы въ Ростовѣ и Суздалѣ(3). Великолѣпнымъ выраженіемъ идеи христіанскаго храма послужили также знаменитые соборы во Владимірѣ—Успенскій и въ особенности Дмитріевскій, построенный княземъ Всеволодомъ (въ крещеніи Димитріемъ). Кн. Всеволодъ желалъ, чтобы самые камни храма высказывали ту мысль, что Господа хвалитъ весь міръ и въ немъ всякое созданіе, а потому на стѣнахъ храма, съ внѣшней стороны, лѣпною работою изящно изобразилъ звѣрей сельныхъ и птицъ небесныхъ, съ ликами ангеловъ и святыхъ, возвѣщающихъ хвалу Божію предъ горнимъ

(2) Патерикъ Печерскій. 1872 г. л. 119 и 115-й Ср. л. 104.
(3) Патерикъ Печерскій. Л. 112-й.

престоломъ Господа Іисуса(4). Итакъ, храмъ, это — небо, гдѣ самъ Богъ обитаетъ. Вотъ идея, которую русское зодчество должно было выражать пластически, и выражало, но не съ одинаковымъ успѣхомъ. Для „каменнаго дѣла", при которомъ употреблялся кирпичъ, были уже образцы, которымъ надлежало только умѣло подражать. Но матеріаломъ русской постройки, по свойству мѣстности, служило преимущественно дерево. И вотъ нашъ зодчій „деревяннаго дѣла" теперь былъ поставленъ въ рѣшительную необходимость создать „храмъ, небесамъ подобный". Необходимость благодѣтельная! По ея непремѣнному настоянію у насъ родилась своя самостоятельная чисто-русская архитектура. По свидѣтельству лѣтописи, Владиміръ, совершивъ крещеніе народа, повелѣлъ „рубити церкви". И вотъ русскій плотникъ, онъ же и архитекторъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, водрузивъ крестъ на убогомъ срубѣ, бревенчатой избѣ, началъ ее превращать въ храмъ Божій. Что же вышло? И вышелъ храмъ на диво всей вселенной!.. Всѣмъ, сколько нибудь образованнымъ, людямъ извѣстенъ Соборный храмъ подъ именемъ „Василія Блаженнаго" въ Москвѣ. Много разсуждали и долго недоумѣвали объ этомъ превосходномъ зданіи. Еще въ 1836-мъ году было высказано мнѣніе, что архитектура храма Василія Блаженнаго представляетъ смѣсь готической и восточной архитектуры(5). Но, только недавнія основательныя изысканія и добросовѣстная критика памятниковъ русскаго зодчества показали, что архитектура этого величественнаго храма возникла и развилась исключительно на почвѣ русскаго зодчества. И совершилось это такъ. Основа деревяннаго храма бревенчатая кубическая изба кроется на четыре ската; для удобства — удлиняется; длинныя стороны соединяются поперечной стѣной съ пролетомъ; одна часть, настоящая, возвышается; на ней, для удоб-

---

(4) Владимірскій соборъ. Библіотека для чтенія. Т. XCV-й, ч. 2-я. Іюнь. 1849 г. Стр. 96—97.

(5) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ. С-Петербургъ. 1836 г. Стр. 60-я.

ства покрытія, ставится восьмигранный срубъ; его кровля — осьмисторонній пирамидальный шатеръ увѣнчивается главой и крестомъ. Вотъ обыкновенный типъ деревяннаго храма. Простой храмъ и украшается просто: крыльца — со столбами въ видѣ кувшинчиковъ, карнизы — съ кокошниками въ видѣ полубочекъ, главы въ видѣ рѣпы, луковицы, маковицы, груши, яблока и т. п. Тѣмъ не менѣе фасадъ деревяннаго храма, не унижая его достоинства и значенія и не измѣняя его характера, разнообразился такъ и получалъ такія изящныя формы, какими не обладало и каменное византійское зодчество. А потому въ XVI-мъ, въ особенности въ XVII-мъ столѣтіяхъ, и мастера „каменнаго дѣла“ начали подражать образцамъ деревяннаго зодчества, внося въ каменные храмы орнаментацію деревянныхъ. Вотъ именно воспроизведеніе и соединеніе разныхъ образцовъ деревяннаго зодчества въ одной сложной, но стройной формѣ и представляетъ собою храмъ Василія Блаженнаго, съ его разнообразными шатрами, карнизами, наличниками, портиками. Такъ идея христіанскаго храма впервые породила чисто-русское зодчество. И если зодчій—язычникъ напрягалъ всѣ силы ума только для огражденія и защиты своего тѣла отъ вреднаго вліянія стихій и отъ животныхъ; то зодчій—христіанинъ употреблялъ всѣ средства, чтобы соорудить подобіе видимаго неба, храмъ Божій, для утвержденія той мысли, что близъ человѣка преимущественно обитаетъ невидимо Самъ Богъ, — вотъ Его видимый храмъ. Мысль — освящающая душу при всякомъ взглядѣ на святый храмъ и охраняющая сердце чувствомъ страха Божія отъ дурныхъ влеченій.

Усиліе народнаго генія въ творчествѣ, небывалое и невозможное внѣ христіанства, въ зодчествѣ нашло себѣ только первое приложеніе. Но, ни каменное, ни деревянное зодчество, само по себѣ, не въ состояніи исчерпать всей глубочайшей идеи христіанскаго храма, который долженъ быть „подобіемъ неба“. „Небо“ христіанина, это та горняя область, гдѣ обитаетъ Самъ Богъ, Царица небесная, ангелы и всѣ святые. Съ такимъ представленіемъ о небѣ соединена и вся исторія царства Божія на землѣ и состояніе его на небѣ. А потому въ

христіанскомъ храмѣ предъ взорами вѣрующихъ необходимо должны быть изображенія небожителей. Въ Византіи этому требованію удовлетворяло иконописаніе и постѣнная (мозаическая и фресковая) живопись.—Какъ храмовое зодчество, такъ и иконописаніе перешло къ намъ отъ грековъ. Иконы греческихъ мастеровъ имѣли у насъ тотъ же высоко-священный характеръ, какъ и въ самой Византіи. Иконописаніе явилось превосходнымъ проводникомъ возвышенныхъ христіанскихъ религіозныхъ, нравственныхъ и церковно-историческихъ понятій. Русскій народъ скоро понялъ и оцѣнилъ значеніе иконописи и потому скоро посвятилъ ей свои художественныя силы и творчество. Да, творчесто! потомучто русскій художникъ—иконописецъ, не отклоняясь отъ священнаго характера иконописи, съумѣлъ свое пониманіе выразить по-своему, священно-историческіе предметы въ современной русской обстановкѣ. И это произошло скоро. О древнемъ нашемъ иконописномъ художествѣ недавно еще трудно было сказать что-либо опредѣленное, оттого, что наши храмы потерпѣли то страшную, то странную судьбу. Такова, напр., церковь св. Кирилла въ Кіевѣ,

„Отъ Маріи княгини древле устроенна,
Константиномъ, Острожскимъ княземъ, обновленна;
А княземъ Потемкинымъ вовсе упраздненна
И въ умалишенныхъ домъ вскорѣ обращенна“(6).

Только недавнее, сдѣланное проф. Праховымъ, блестящее открытіе въ этомъ храмѣ фресковой стѣнописи изъподъ нѣсколькихъ слоевъ штукатурки показало, на какой степени совершенства стояло наше русское иконописное художество въ XII-мъ вѣкѣ въ Кіевѣ рядомъ съ греческимъ иконописаніемъ XI-го вѣка. При изученіи ихъ, оказалось, что „въ XII-мъ вѣкѣ мы уже имѣли нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы. При сравненіи русской (фресковой) иконографіи XII в. съ греческой XI в., оказывается, что стиль русскій имѣетъ больше естественности и свободы, гра-

(6) М. А. Максимовичъ. О созданіи кіевской церкви св. Кирилла. Собраніе сочиненій. Т. II-й. Кіевъ. 1877 г. Стр. 161-я.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

ціозности и выразительности. Слѣдовательно, вѣкъ XI-й былъ для насъ вѣкомъ ученія, а XII-й в. началомъ самостоятельной, художественной дѣятельности. Да, самостоятельной! такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ наблюдать дѣйствительность и вносить наблюденія въ искусство"(7). Воспріятіе искусства иконописанія отъ грековъ, съ его возвышеннымъ характеромъ, послужило могущественнымъ возбужденіемъ художественныхъ силъ русскаго духа, который до христіанства не зналъ ничего не только такого, но и подобнаго тому. Творческая художественная русская дѣятельность получила широкое развитіе и видоизмѣненіе во многихъ школахъ иконописи, таковы именно: кіевская, новгородская, московская, устюжская, строгановская, суздальская и др. Всѣ эти школы, болѣе или менѣе, но сохраняли основной характеръ православнаго т. е. византійскаго писанія, а слѣдовательно, и его образовательное и назидательное значеніе. „Значеніе византійскаго иконописанія чрезвычайно обширно и обнимаетъ собою все христіанское ученіе. Съ первыхъ дней апостольской проповѣди оно было проводникомъ основныхъ началъ вѣры и благочестія. Такъ, оно олицетворяло догматы для укрѣпленія вѣры, изображало завѣтныя преданія православной церкви для отклоненія расколовъ и ересей, живописало священные символы для наученія вѣрующихъ, вносило знаменія и дѣянія для воспоминанія о великихъ и чудесныхъ событіяхъ церкви(8). Оно воплотило многоразличныя мысли и откровенія о послѣдней судьбѣ міра и церкви, передало смыслъ многихъ заповѣдей, притчей, нравоучительныхъ разсказовъ и т. п. Словомъ, икона, это первая, высокопоучительная, по всякому доступная священная книга. Что древніе русскіе люди по священнымъ изображеніямъ знали исторію библейскихъ и Евангельскихъ событій, объ этомъ безпристрастно свидѣтельствуютъ иностранцы. Адамъ Олеарій, придворный уче-

---

(7) Проф. Праховъ. Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Стр. 24—25 я. Въ трудахъ имп. москов. археологич. общества. Т. XI, вып. 3-й.

(8) И. П. Сахаровъ. Изслѣдованіе о русскомъ иконописаніи. Кн. 2-я. С.-Петерб. 1849 г. Стр. 15—16.

ный голштинскаго герцога Фридриха, дважды посѣтившій Россію въ 1633 и 1636—38-мъ годахъ, въ ученомъ описаніи своего путешествія, разсказываетъ: „Однажды въ Ревелѣ пасторы хотѣли испытать одного православнаго монаха въ знаніи Библіи; онъ не зналъ нѣмецкаго языка и не понималъ переводчика, но лишь только ему показали библейскія изображенія, онъ тотчасъ разсказалъ самую исторію(9). Но христіанская иконопись, служа средствомъ выраженія духа, во всѣхъ его состояніяхъ, не только поучаетъ, но и всегда назидаетъ, т. е. сообщаетъ сердцу только лучшее и возвышеннѣйшее. Правда, на иконахъ встрѣчаются и обыденная обстановка и мірскія занятія, какъ постройка дома, сѣяніе, рыбная ловля и т. п., но все подобное — для того, чтобы рѣзче отдѣлить земное отъ небеснаго, выше поставить святое настроеніе человѣка, въ его временной обстановкѣ. Итакъ, если вообще живопись имѣетъ громадное воспитательное значеніе, то иконографія имѣетъ оное въ несравненномъ превосходствѣ: притомъ, православная иконографія, избѣгая пластичности, т. е. тѣлесности, имѣетъ только святое вліяніе, а иного и не можетъ имѣть. И сколько святыхъ образовъ возвышеннѣйшихъ добродѣтелей напечатлѣваетъ въ простой непосредственной душѣ народа иконопись св. храма, представляя взору предстоящихъ столько священно-историческихъ ликовъ! Припомнимъ, что въ прошломъ столѣтіи въ одномъ московскомъ Успенскомъ соборѣ насчитывалось „двѣ тысячи шестьдесятъ шесть лицъ“, изображенныхъ на стѣнахъ, кромѣ собственно иконъ(10). Если же икона и просвѣщала, и освящала русскаго человѣка; то, понятно, онъ и чтилъ, и ревностно хранилъ ее, какъ святыню. „Любовь и особенная склонность къ иконопочитанію составляли одно изъ самыхъ рѣзкихъ отличій русскихъ не только отъ протестантовъ, но и отъ католиковъ. Поэтому русскіе принимали всѣ мѣры къ

---

(9) Л. И. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. Москва. 1871 г. Стр. 72-я.

(10) Протоіер. А. Г. Левшинъ. Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма, московскаго большаго Успенскаго собора. Въ Москвѣ. 1783 г. Стр. 15 и 217-я.

тому, чтобы эти предметы ихъ благоговѣйнаго почитанія не потерпѣли какого нибудь поруганія и оскорбленія со стороны иновѣрныхъ. Въ смутныя времена, иностранцы, знавшіе эту черту русскихъ, пользовались ею для своихъ выгодъ: они грабили и похищали иконы, а русскіе выкупали ихъ у воиновъ за самую дорогую цѣну. Одинъ нѣмецъ у русскаго купилъ домъ, въ которомъ внутреннія стѣны были расписаны священными изображеніями. Опасаясь, чтобы эта святыня не подверглась осмѣянію отъ иновѣрныхъ, бывшій хозяинъ соскоблилъ известку и самый этотъ мусоръ взялъ съ собою. Лютеране, живя въ Россіи, хотя сами не почитали иконъ, но должны были держать ихъ въ своихъ домахъ, ради прислуги, потому что русскіе иначе не соглашались и служить[11]. Въ настоящее время вынуждены такъ поступать даже евреи.

Воспроизводя дѣйствительность возвышенной христіанской исторіи и образы небесныхъ лицъ, христіанская иконографія воспитывала и возвышала личную жизнь духа предстоящихъ во храмѣ, какъ естественно и обыкновенно высокій и наглядный примѣръ возбуждаетъ и воспитываетъ достойное ему подражаніе. Быть съ открытымъ сердцемъ въ храмѣ Божіемъ, это значитъ жить въ небѣ, помышлять и чувствовать со святыми. И дѣйствительно, предстоя Богу во храмѣ, среди столь многочисленнаго сонма святыхъ Божіихъ, вѣрующій, какое-бы онъ ни имѣлъ скудное умственное развитіе и низменное сердечное настроеніе, онъ, благодаря наглядным образцамъ добродѣтелей—милосердія, правды, сострадапія и т. п, легко испытываетъ высочайшія чувства, какихъ не можетъ ему внушить никакое искусство, никакая поэзія. Ибо, что внѣ христіанскаго храма и безъ христіанскаго воззрѣнія на міръ Божій можетъ породить слезы покаянія въ отверженномъ грѣшникѣ, благоговѣйную всеобъемлющую любовь ко всѣмъ людямъ безразлично, молитвенное умиленіе, восторгающее душу отъ всяческихъ суетствій? Только здѣсь, во храмѣ Божіемъ, окриляемый

---

[11] Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871. Стр. 222-я.

созерцаніемъ величія Божія и дивныхъ судебъ человѣчества, рабъ — человѣкъ, осязаетъ сердцемъ свою духовную, безцѣнную, сладостную свободу отъ всепожирающаго зла; только здѣсь, хотя на мгновеніе, отлагая всякое попеченіе житейское, онъ тѣломъ невольно повергается на землю, а мыслью пламенно паритъ въ небѣ. Не это ли состояніе достойно разумнаго человѣка, не оно ли превосходно украшаетъ его духовную природу? И увы! такая высота духовной жизни для русса— язычника была не извѣстна, потому что для язычника она была вовсе невозможна: не зная о прародительскомъ грѣхопаденіи и о своемъ въ немъ участіи, язычникъ не понималъ силы грѣха, обожая свои страсти, не представлялъ низости плотскихъ влеченій и не чувствовалъ торжества духовной побѣды надъ ними, какъ не понимаетъ, не представляетъ и не чувствуетъ всего этого и теперь всякій, кто, стоя на стези царствія Божія, обратилъ лице къ язычеству, поклонялся силамъ природы, по своему создаетъ идеалъ земнаго благополучія.

Но если христіанство представило язычнику „новое небо“, возбудило и возвысило жизнь его личнаго духа; то что могло поддержать, продлить, усилить, преисполнить и въ полнотѣ выразить чувства христіанскаго святаго сердца? Естественно и обыкновенно личному чувству служитъ лирика, т. е. искусство выражать личную духовную настроенность въ поэтическомъ творчествѣ при посредствѣ пѣнія. Да, только православное церковное пѣніе есть надлежащее выраженіе чисто-личной и самой глубокой, и самой искренней религіозной настроенности сердца. Если въ христіанинѣ преимуществуетъ жизнь духа, то пѣніе, какъ лучшее выраженіе внутренней гармоніи этой духовной жизни, есть высокое наслажденіе. Вотъ почему и апостолъ Іаковъ говоритъ: „благодушествуетъ ли кто; да поетъ“ (Іак. 5, 13). До христіанства, этой высокой жизни духа русская душа не знала, не зналъ этого дѣтски—простой, открыто - сердечный и по истинѣ благодушнѣйшій нашъ русскій народъ? За то съ принятіемъ христіанства онъ воспринялъ и это благодѣтельное средство духовной жизни прямо какъ „даръ Божій“, усвоилъ его себѣ какъ искусство и развилъ въ

многочисленныхъ напѣвахъ. Таковы суть: греко-болгарскій иначе знаменный роспѣвъ, столбовой, путевой, демественный, кіевскій, новгородскій, московскій, суздальскій, черниговскій, бѣлорусскій и др. Въ XVI и особенно XVII столѣтіяхъ на Русь начало проникать западное пѣніе чрезъ Литву и Малороссію—въ Кіевъ и Москву и вмѣстѣ начался упадокъ православно-церковнаго пѣнія. И по происхожденію, и по характеру западное пѣніе православнымъ людямъ не могло понравиться. Какъ несродное истинному духу богослуженія, скорѣе развлекая, нежели назидая, оно разсѣевало настроеніе молящихся и обусловливало непристойность поведенія присутствующихъ во храмѣ, а потому подвергалось строгому обличенію. По сему поводу святитель Гермогенъ знаменитѣйшій патріархъ московскій и всея Руси пишетъ „Посланіе наказательно“ ко всѣмъ людямъ, паче же священникамъ и діаконамъ о исправленіи церковнаго пѣнія“ (около 1611 года). Въ немъ святитель говоритъ: „Повѣдаютъ намъ христолюбивые люди со слезами, а иніи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ, паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ вселился слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостоловъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ-де голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а иногда и въ пять, и въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чюже .. Вѣмъ бо многихъ собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ. Овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ“([12]). Ревниво охраняя достоинство церковнаго пѣнія, русскіе люди понимали его истинный характеръ. Въ „надписаніи“ книги, именуемой „Всенощникъ“, говорится: „Начало всенощнаго бдѣнія, сирѣчь великія вечерни, иже есть неусыпно славословіе воздати на херувимѣхъ сѣдящему превѣчному Царю и Пречистыя Его Матери и всѣмъ святымъ угодникамъ, елико узаконища

([12]) П. П. Сахаровъ. Изслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи. Стр. 11—12. (Изъ журнала мин. нар. просвѣщенія. 1849 г. № 7—8).

намъ богоносные отцы и предаша церкви сихъ по достоинству воспѣвати во псалмѣхъ и пѣснѣхъ духовныхъ, вся мірская попеченія оставльше, и умъ на небо вперивше, и возжегше свѣтильники своихъ душъ, сокрушенною душею приступимъ ко Всемогущему Богу, моляще благочинно, не сильно ревый, ни вереская, но со умиленнымъ гласомъ воспѣвати"(13).

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушая чтеніе и „умиленное" пѣніе во храмѣ, народъ повторялъ слова предстоятелей церкви. Первоначально это былъ дѣтскій лепетъ народа, но подъ надежнымъ руководствомъ матери—церкви, а потому и благодѣтельный для его духовнаго образованія. Дитя полусознательно повторяетъ за матерью молитву, но важно и это, потому что его память обогащается множествомъ словъ и понятій, вначалѣ недовольно понятныхъ, но впослѣдствіи образующихъ фундаментъ его религіозно-нравственнаго душевнаго строя. Такъ и народъ. Съ молитвой церковной онъ воспринималъ и уроки вѣры и высокій смыслъ заповѣдей. Первоначально христіанскія понятія прикрѣплялись къ его памяти, потомъ развивались чувствомъ вѣры, наконецъ усовершались посильнымъ размышленіемъ и примѣрами подвижниковъ благочестія. Вскорѣ этому просвѣщенію пришли на помощь школа и иноческая обитель. Необходимость школы и ея церковный характеръ признавалъ самъ первый просвѣтитель Руси—Владиміръ. А потому вмѣстѣ съ построеніемъ храмовъ, онъ устроялъ и школы при церквахъ. Его дѣло продолжалъ мудрый Ярославъ, который при Софійскомъ храмѣ устроилъ обширную библіотеку. Какъ сильно вліяла въ свое время и такая школа, это понятно. Цѣлый міръ новыхъ понятій о предметахъ, дотолѣ совершенно неизвѣстныхъ, обогатилъ мысль и языкъ русскаго народа, облагородилъ его, оплодотворяя рѣчь словами священнаго Писанія, въ которыхъ запечатлѣвались только истинныя и священныя понятія, чуждыя даже оттѣнковъ языческаго смысла(14). Наши книжники должны были усвоять новыя славянскія слова,

(13) П. П. Сахаровъ. Изслѣдованія о р. ц. нѣснопѣніи Стр. 61-я.
(14) Ѳ. Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Москва. 1848 г. Стр. 90-я.

вынуждены были вырабатывать новыя формы словъ для точнѣйшаго опредѣленія догматическихъ истинъ; имъ приходилось усвоять даже греческія слова безъ перевода, каковы: трапеза, артосъ, просфора, икона и пр., которыя народъ теперь считаетъ своими; иногда бывало и такъ, что греческія слова страннымъ образомъ передѣлывались въ русскія формы, таковы: *касіосы*—священныя волоса, отъ *аксіосъ*, *исполать*—желать здравствовать, отъ *ис-полла*, и пр. Очевидно, необходимость усвоенія новыхъ словъ и понятій геній народа преподѣждалъ стихійно и школько. Но ему предстояла еще задача болѣе трудная—усвоеніе идей Божественнаго Откровенія. онъ долженъ былъ овладѣть цѣлой литературой—книгъ библейскихъ, церковно-богослужебныхъ и твореній святоотеческихъ. Знакомство съ этой литературой на первыхъ же порахъ было довольно обширное и основательное. Это очевидно по сохранившимся, хотя и немногимъ, но очень надежнымъ памятникамъ древней письменности, каковы житія святыхъ и лѣтопись. Одной лѣтописи достаточно, чтобы видѣть, какъ глубоко было христіанское просвѣщеніе, если повѣствователь—лѣтописецъ умѣлъ историческую жизнь своего народа ставить въ параллель съ Библейской исторіей и выяснять прагматизмъ историческихъ событій по нравственнымъ воззрѣніямъ Библіи. Такое знакомство русскаго народа со священной и церковной литературой сразу и рѣшительно опредѣлило направленіе нашего просвѣщенія на цѣлые вѣка. Оно было по преимуществу церковное.

Когда рѣчь идетъ о просвѣщеніи русскаго народа, точнѣе—о его міровоззрѣніи, то обыкновенно и нерѣдко слышится указаніе на его малограмотность и невѣжество, на его нѣкоторое двоевѣріе. Надо замѣтить, что такъ говорятъ обыкновенно о цѣломъ народѣ. А потому происходитъ вотъ что. Кто-либо гдѣ-либо и за кѣмъ-нибудь записалъ, что —

„У насъ міръ—народъ отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь—руда наша отъ Черна моря“ и пр.

Такое сочетаніе христіанскихъ сказаній съ апокрифическими, такое олицетвореніе библейскихъ истинъ въ

древне-поэтическихъ языческихъ представленіяхъ, въ нѣкоторой части нашей народной литературы, служитъ уже основаніемъ для заключенія, будто святыя библейскія истины, переданныя нашему народу, были только имъ искажены и обезображены, будто сквозь видимый ихъ покровъ онъ продолжалъ служить своимъ старымъ божествамъ, а въ душѣ оставался такимъ язычникомъ, какимъ былъ и до обращенія. Но къ такимъ заключеніямъ могутъ приводить остатки только легендарной народной литературы и притомъ односторонне обсуждаемые; въ народѣ же нашемъ сохранилось и сохраняется множество такихъ стихотвореній, которыя отмѣчены совершенно инымъ характеромъ, въ которыхъ фотографически вѣрно воспроизводятся возвышеннѣйшія христіанскія истины и передаются буквально согласно съ библейскими сказаніями. Таково, напр., стихотвореніе о крещеніи Христа.

„Грядетъ Христосъ ко Іордану,
Возглаголетъ ко пророку Іоанну
Отъ таинъ преславныхъ тайну несказанну:
—Стани ко мнѣ не сумнися,
Крестити мя, о Пророче, ты потщися,
И, нага мя днесь видяще, не стыдися.
—Ужасаюся трепеща,
Азъ отъ Тебе прежде крещенія ища,
Небомъ и землею владычествующа", и т. д.

Основою для этого народнаго стихотворенія послужили Евангельское сказаніе, читаемое въ день Богоявленія и церковныя стихиры. Оно отнюдь не извращаетъ ни Евангелія, ни стихиръ(15). Тѣмъ не менѣе, вообще говоря, понятія простаго неграмотнаго народа о предметахъ вѣры и о явленіяхъ природы дѣйствительно сбивчивы. Не для оправданія упорства заблуждающихся, а для объясненія дѣйствительной немощи нашего народа въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ Богопознаніе и познаніе природы, должно имѣть въ виду, что русскій народъ шелъ и идетъ тѣмъ же путемъ, какимъ прошли и европейскіе народы. Въ познаніи природы онъ младенчествовалъ. Но также

(15) Проф. Ст. М. Сольскій. О библейскомъ міросозерцаніи въ жизни древне-русскаго народа. Въ трудахъ кіев. д. академіи, 1878 г. Стр. 8—10.

младенчествовали и европейцы. Извѣстно, напр., что „двѣсти лѣтъ тому назадъ по Франціи съ торжествомъ были разносимы исполинскія кости, какъ останки нѣкоего короля Тейтобуха. Натуралистъ Кювье доказалъ, что это были кости первобытнаго Носорога“(16)... Людямъ свойственно ошибаться. Чего же можно требовать отъ нашихъ безграмотныхъ простолюдиновъ—мыслителей? Имѣя только библейское ученіе о Богѣ, какъ конечной причинѣ всего сущаго, древне-русскій человѣкъ логически послѣдовательно объяснялъ себѣ, что и гроза и моровая язва, и затмѣніе солнца происходятъ непосредственно отъ Бога. Не зная истинныхъ причинъ естественныхъ явленій природы, за неимѣніемъ науки, народъ объяснялъ ихъ только съ библейской точки зрѣнія. Библія говоритъ, напр, что по молитвѣ пр. Иліи, во время засухи и голода явились огонь съ неба и дождь (3 Цар. 18, 1—2. 36—46). Народъ, не имѣя понятія объ электричествѣ грозовыхъ облаковъ, объяснялъ дѣйствіе грозы силою пророка Иліи. Очевидно, здѣсь одно понятіе замѣняется другимъ—молитва Иліи силою этого пророка, но и только. Но какъ иначе и могло быть? Подобные предразсудки устранены только строго-точнымъ изслѣдованіемъ атмосферы, свѣта и электричества, трудами ученыхъ, еще вовсе не извѣстныхъ народу. Со временемъ лучъ науки проникнетъ и въ темную массу народа, предразсудки устранятся, а область библейскихъ понятій останется на своей высотѣ, какъ область Откровенія сверхъестественнаго, не имѣющая цѣли служить физикѣ въ объясненіи явленій природы. Итакъ что́ же? Христіанство не помогло познанію природы, которымъ такъ гордится нашъ вѣкъ? Напротивъ, только оно открыло книгу природы для истинной науки. Когда язычникъ обожалъ природу, то его самого отъ бога его ничто не раздѣляло, все происходило непосредственно отъ того или другаго бога, гнѣвнаго или милостиваго; а отношеніе къ богамъ было чисто практическое, ихъ надо страшиться и умилостивлять, а не познавать, ибо они были очевидны во всей своей силѣ. Напротивъ, Биб-

(16) Проф. Нордманъ. Объ ископаемыхъ остаткахъ первобытнаго міра Въ журналѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Т XLIX, кн. 193-я. Стр. 51—52.

лія говоритъ, что Божество и естество не тожественны и отношенія человѣка къ нимъ различны. Богъ открылъ Свой разумъ въ природѣ, и человѣкъ, созерцая въ природѣ совершенство разума Божія, къ самой природѣ долженъ былъ относиться властно, какъ царь ея, подчинять ее себѣ познавать ея силы и господствовать надъ ними. И вотъ человѣкъ—язычникъ былъ совершеннѣйшимъ рабомъ природы, христіанинъ теперь уже властелинъ надъ нею. Вотъ почему истинная наука, современное намъ могущественное естествознаніе, возможно было только съ появленіемъ христіанства. При этомъ условіи, возможное всюду, оно стало возможно и на Руси православной, которая больше уже не чтитъ ни Перуна, ни Стрибога, ни Дажбога. Устранивъ этихъ боговъ, христіанство открыло свободный доступъ пониманію и объясненію силъ природы. Низверженный Перунъ теперь, подъ именемъ электричества, служитъ для передачи нашей мысли, исполняетъ требованія нашей воли посредствомъ машинъ, съ ихъ приложеніями. Такъ возобладалъ человѣкъ надъ своими богами, когда христіанство сказало, что они не боги, что человѣкъ господинъ надъ ними.

Если медленно входила въ мысль народа теоретическая сторона христіанской вѣры или вѣроученіе, то нравственная сторона воспитывалась успѣшнѣе. Если имѣть въ виду всесовершенный христіанскій нравственный идеалъ и противопоставить его жизни личной, семейной и общественной настоящаго времени; то откроется во многомъ и много недостатковъ благоповеденія. Но при историческомъ обозрѣніи должно имѣть въ виду то положительно благодѣтельное и духовно-совершенное, что внесло христіанство въ жизнь народа разъ и навсегда. Въ этомъ отношеніи нужно сказать, что въ личной, семейной и общественной жизни русскаго народа христіанство произвело коренной, существенный переворотъ.

Слава Богу, къ простому сердцу русскаго человѣка привились всякія добродѣтели, коренились въ немъ болѣе или менѣе глубоко, что съ величайшею силою и обнаруживалось въ извѣстныя времена, при вызывающихъ обстоятельствахъ. Но въ русскомъ народѣ есть выдающіяся христіанскія добродѣтели, всегда отличавшія его отъ иностранныхъ христіанъ. Это замѣчали всегда и без-

пристрастно высказывали сами же иностранцы. Эти добродѣтели суть: милосердіе и совѣстливость. Очень извѣстный въ католическомъ мірѣ писатель Іоаннъ Фаберъ, въ сочиненіи своемъ о „религіи Московитянъ", 1525 г., при своемъ крайнемъ стремленіи сглаживать противоположность православія и католичества, тѣмъ не менѣе говоритъ: „Русскіе любятъ подавать нищимъ милостыню, каждый соотвѣтственно своему состоянію: они ихъ одѣваютъ, питаютъ, поятъ, оказываютъ гостепріимство, боясь, чтобы не подпасть осужденію (отъ Бога). Такимъ образомъ не скупо, а съ радушіемъ и полною щедростію, они сѣютъ сѣмена покаянія, поста и молитвы и тому подобные подвиги, чтобы потомъ пожать плоды"(17). Свидѣтельство Фабера подтверждается другими многочисленными свидѣтельствами и, напр., указаніями писцовыхъ книгъ, въ которыхъ весьма нерѣдко говорится, что близъ приходскаго сельскаго храма „стоитъ келлія, а живутъ съ ней нищіи, а питаютца о церкви Божіей". По замѣчанію иностранцевъ, у русскихъ было также развито чувство совѣстливости. Англичанинъ Колинсъ, прожившій въ Москвѣ съ 1659 по 1667 годъ, въ качествѣ придворнаго врача царя Алексѣя Михайловича, хотя и смѣется надъ набожностью русскихъ, но все же съ полнымъ уваженіемъ относится къ ихъ благочестію, и между прочимъ свидѣтельствуетъ, что „русскіе считали клятву весьма священнымъ дѣломъ и потому рѣдко прибѣгали къ ней даже и на судѣ. Этимъ объясняется, что русскіе составляли худое мнѣніе о человѣкѣ, который давалъ клятву, такъ что хотя бы кто далъ и вѣрную клятву, онъ всеже подвергался общему презрѣнію и на три года отлучался отъ пріобщенія и лишался права входить въ церковь"(18). Однако, въ разсужденіи о нравахъ народа нужно обращать преимущественное вниманіе не на частныя добродѣтели отдѣльныхъ лицъ, какъ бы ни были они высоки, а на строй семейной жизни, которымъ существенно обусловливается воспитаніе обще-

---

(17) Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871 г. Стр. 97-я.

(18) Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871. Стр. 98-я.

ственныхъ дѣятелей въ духѣ извѣстнаго нравственнаго ученія.

Бракъ, эта основа семьи, у славяно-руссовъ слагался подъ преоблагающимъ вліяніемъ необузданной похоти и физической силы. Славяно-русскія племена: древляне, радимичи, вятичи, сѣверяне, кривичи и пр. браковъ не имѣли, а заводили разныя игры на мѣстахъ между селами и сходились сюда, плясали, забавлялись и тутъ каждый похищалъ себѣ жену, съ которою прежде сговорился. Такъ свидѣтельствуетъ нашъ лѣтописецъ преп. Несторъ. Также и о другихъ племенахъ славянскихъ свидѣтельствуютъ Козьма пражскій о чехахъ, св. Оттонъ — о поморянахъ и пр.(19). И вообще, похищеніе женщинъ, это — общій обычай полудикихъ племенъ. Но если мужчина имѣлъ право похищать женщину, то онъ могъ похитить и не одну, а двухъ и трехъ. Отсюда, съ похищеніемъ обыкновенно совмѣщается многоженство. Такъ это было и въ языческой Руси. Многоженство, потворствуя половымъ страстямъ, разслабляетъ общественную энергію. Если человѣкъ не находитъ себѣ ограниченія въ единобрачіи, то естественно онъ разрушаетъ семейныя узы. А при этомъ обыкновенно страдаетъ право и достоинство жены и уничтожается основа правильнаго воспитанія. Женщина „похищенная“ становилась полною и безправною собственностію своего похитителя — властелина. Преобладаніе силы надъ волей, вотъ характеръ семейныхъ отношеній славяно-русса язычника. Христіанство, ограничивая страстныя влеченія и управляя инстинктами плоти, воспрещаетъ многоженство, строго относится даже ко второбрачнымъ и воспитываетъ цѣломудріе — самое дорогое звѣно въ семейномъ союзѣ, самое крѣпкое основаніе истинно человѣческаго воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышаетъ личное достоинство и право женщины — матери. Не только нарушеніе супружеской вѣрности, не только многоженство, но и многобрачіе св. Василій Великій называетъ „дѣломъ скотскимъ и совер-

---

(19) Виталій Шульгинъ. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Кіевъ. 1850. Гл. 1-я, стр. 2—3.

шенно чуждымъ человѣческому роду“([20]). Отцы церкви постыждаютъ страстныхъ людей даже указаніемъ на то, что и въ языческомъ мірѣ лучшіе люди высоко цѣнили добродѣтель цѣломудрія. Блаженный Іеронимъ, ссылаясь на „физіолога Плинія“ (кн. 10, гл. 34) поучаетъ, что даже безсловесныя, но чистыя птицы живутъ въ единобрачіи. А въ примѣръ того, какъ язычники хранили цѣломудріе, онъ указываетъ, между прочимъ, на то, что жена Гасдрубала, чтобы не потерпѣть оскорбленія цѣломудрія, схвативши въ обѣ руки дѣтей, бросилась въ пламя нарочито зажженнаго ею пожара“([21]). Это, самой природой вложенное, высокое чувство христіанство возродило, освятило, возвысило по образу и значенію союза Христа съ церковію. Принявъ христіанство, руссы отвергли многоженство и соединенное съ нимъ распутство. Такая существенная перемѣна произошла въ самомъ кн. Владимірѣ. До крещенія онъ отличался женолюбіемъ, какъ послѣ—цѣломудріемъ, которое не оставляло его до гробовой доски. Еще въ древней Руси чистота семейныхъ правовъ ограждалась и общественнымъ мнѣніемъ. Это особенно сказалось во взглядѣ на незаконно-рожденныхъ дѣтей. „Хотя и возможно, что въ первое время князья не дѣлали въ семьѣ разницы между законными и незаконными дѣтьми, напр. кн. Мстиславъ, сынъ князя Святополка Изяславича отъ наложницы, былъ княземъ во Владимірѣ Волынскомъ еще въ концѣ XI-го вѣка; но позднѣе едва-ли подобный случай имѣлъ мѣсто. Князь Олегъ, сынъ князя Ярослава Осмомысла, не удержалъ Галича, завѣщаннаго ему отцомъ помимо законнаго сына. Лѣтописецъ, называя его по отчеству, приводитъ имя не отца, а матери Настасьи, т. е. называетъ Олега Настасьевичъ... Чѣмъ дальше, тѣмъ положеніе незаконнорожденныхъ было хуже“([22])... Охраняя чистоту брачнаго союза и возвышая достоинство женщины, христіанство возложило на нее священную обязанность — воспитывать

([20]) Пв М. Миловановъ. О преступленіяхъ и наказаніяхъ церковныхъ. С.-Петербургъ. 1888 г. Стр. 117-я.

([21]) Бл. Іеронимъ. Противъ Іовиніана. Кн. 1-я.

([22]) Проф. А. И. Маркевичъ. Исторія жестичества въ московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкѣ. Одесса. 1888 г. Стр. 11—12, примѣчаніе.

дѣтей. И женщина—христіанка, сколько отъ нея зависѣло, имѣла благотворное вліяніе на дѣтей. Еще о вел. кн. Ольгѣ извѣстно, что она трудилась надъ этой задачей. Но лѣтопись сохранила обстоятельное извѣстіе о другой княгинѣ превосходной матери—христіанкѣ. То была Марія, жена Всеволода суздальскаго. Сама воспитанная въ послушаніи своей матери, она также воспитывала и дѣтей своихъ. Старшій сынъ Маріи Константинъ, идя княжить въ Новгородъ, заходитъ сперва къ матери спросить у ней наставленіе и благословиться. Предъ смертью княгиня оставляетъ слѣдующее замѣчательное поученіе къ своимъ дѣтямъ: „Иноковъ чтите, имѣйте всегда тихость и кротость, и смиреніе, и любовь, и милость; голодныхъ насыщайте, нагихъ одѣвайте, посѣщайте больныхъ, чистоту соблюдайте, милостыню всегда творите, никого не минуйте безъ привѣтствія, имѣйте любовь между собою и Богъ будетъ за васъ и сохранитъ васъ отъ злыхъ и покоритъ вамъ враговъ вашихъ. Если же будете жить въ ненависти, въ распряхъ, то погибните сами и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они оберегали съ большимъ трудомъ. Вашего старшаго брата Константина чтите какъ отца и главу, а ты, Константинъ, имѣй братьевъ какъ своихъ сыновей". Этотъ Константинъ, старшій сынъ Маріи, взросшій подъ ея надзоромъ, былъ полнымъ отпечаткомъ матери. Образованнѣйшій князь своего времени, Константинъ отличался великимъ незлобіемъ, чрезвычайнымъ радушіемъ къ своему народу, правдивостью, милостынею къ убогимъ, строилъ церкви въ своей области, старался передать и дѣтямъ тѣ нравы, что самъ наслѣдовалъ отъ матери. Таковы были и другія княгини и другіе князья (напр. Димитрій Донской) ([23]). Такъ измѣнились семейныя отношенія женщины въ древней Руси. Но, противопоставляя настоящія, значительно развитыя, христіанскія отношенія въ семьѣ древне-русскимъ, говорятъ, что въ древней Руси женщина не пользовалась достаточной свободой, самостоятельностью, она жила въ теремѣ, въ за-

([23]) Александръ Добряковъ. Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. С.-Петербургъ. 1864. Стр. 86—87. Ср. Древняя россійская вивліоѳика. Изд. 2-е. М. 1788 г. Ч. 1-я, стр. 103—109-я.

творѣ, на запорѣ. Что женщина не имѣла полной самостоятельности, это, конечно, вѣрно; но справедливо и то, что теремъ не былъ тюрьмой, и жена не была рабой. При взглядѣ на зависимость женщины отъ мужа въ древней русской семьѣ, не должно упускать изъ виду, что до христіанства она была совершенною собственностью мужа, который полновластно и жестоко распоряжался ея жизнью. И что особенно прискорбно, такъ это то, что жестокой участи подвергалась неизбѣжно именно самая любимая жена. Арабскій писатель (X-го вѣка) Абу-Али-Ахмедъ Бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста о русскахъ своего времени говоритъ слѣдующее: „Когда умираетъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотыя, которыя онъ носилъ; далѣе — опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканную монету. Наконецъ, кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойнаго. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается и жена умираетъ въ заключеніи“(24). Другой арабскій писатель (также X-го вѣка) Ахметъ Ибнъ—Фадланъ разсказываетъ, что руссы поступали съ женщинами еще болѣе ужасно(25). Въ третьей залѣ Императорскаго россійскаго историческаго музея въ Москвѣ помѣщается картина, на которой художникъ Семирадскій воспроизвелъ сказаніе Ибнъ-Фодлана о погребеніи русса въ Булгарѣ. По истинѣ, безъ самаго крайняго возмущенія и отвращенія нельзя видѣть дикую сцену погребенія русса—язычника, для трупа котораго по безсмысленному обычаю заколаютъ живую и обезчещенную дѣвушку... Послѣ сего, отнюдь не удивительно, что еще и въ XVI-мъ столѣтіи въ семейныхъ отношеніяхъ на Руси выступала значительная, но вовсе не рабская, зависимость жены отъ мужа.

---

(24) Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 г. близъ Керчи. Библіографическая замѣтка. Въ трудахъ Московскаго археологическаго общества. Т. VI-й, вып. 2-й. Библіографія. Стр. 40-я.

(25) Вит. Шульгинъ. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Кіевъ. 1850. Стр. 63—66-я.

Если судьба женщины и ея право были въ столь сильной зависимости отъ мужа, то вліяніе христіанства на перевоспитаніе мужчины имѣло рѣшительное значеніе для дальнѣйшей несравненно-лучшей судьбы семьи. Сила вліянія и степень значенія этого перевоспитанія сказались главнымъ образомъ въ перемѣнѣ характера и идеала общественнаго дѣятеля и прежде всего русскаго князя.

Сила, чтобы пріобрѣтать славу, грабить добычу, кабалить рабовъ, похищать женъ и пр., вотъ что было желательно прежде всего и болѣе всего для древняго русса. Отсюда и обожаніе силы, и воспитаніе силы. А привлекательная сторона силы—личная отвага. Извѣстный Ибнъ Даста, говоря о вооруженіи собственно руссовъ, сообщаетъ, что „у нихъ существуетъ древній обычай—класть передъ новорожденнымъ ребенкомъ обнаженный мечъ, въ знакъ того, что этимъ мечемъ онъ долженъ пріобрѣсть себѣ славу и богатство“(26). Естественно, носитель такого меча долженъ былъ, стремясь къ славѣ, выучиться владѣть онымъ, полюбить мечъ и явить себя бойцомъ— побѣдителемъ. И руссы, дѣйствительно, не разставались съ мечемъ во всю жизнь. Ибнъ-Фадланъ говоритъ: „Я видѣлъ русскихъ въ пристани рѣки Итиля (Волги). Роста они высокаго и стройны какъ пальма; у каждаго топоръ, большой ножъ и мечъ; они никогда не ходятъ безъ оружія“(27)... Итакъ, дюжая мускульная сила и ярая отвага во всеоружіи, слава надъ славой и быстрая нажива, вотъ что прельщало древняго русса. Болѣе рѣзко и полно это обнаруживалось въ дѣятельности князя—витязя. Пѣвецъ „Слова о полку Игоревомъ“, воспоминая о князѣ Всеволодѣ, восклицаетъ:

„Братцы, какой побоится онъ раны, когда онъ для славы
Все позабылъ—и почётъ, и веселую жизнь, и Черниговъ
Городъ, и отчій престолъ золотой, и своей пенаглядной
Глѣбовны, милой супруги, привѣтъ и обычныя ласки“?!
(Пѣснь III-я).

---

(26) П. Е. Брандербургъ. Историческій каталогъ Спб. артиллерійскаго музея. Ч. 1. Спб. 1877 г. Стр. 171-я.

(27) Тамъ-же. Стр. 171-я.

Да, отдаваясь склонности рубить и грабить, князь-витязь не щадилъ ничего: ради славы своей онъ жертвовалъ и своею жизнью, и женою, и семьею, и роднымъ городомъ, и отчимъ престоломъ, а иногда славо-любивый князь, и по дѣлу и безъ дѣла, терялъ и свою удалую дружину храбрую. Пѣвецъ того же „Слова о полку Игоревомъ“ укоризненно говоритъ:

„Въ вѣкѣ седьмомъ отъ Трояна
Кинулъ жребій Всеславъ о любимой имъ дѣвицѣ красной,
И, не клюкой подпираясь, а сѣвъ на коня боеваго,
Къ стольному Кіеву-городу онъ прискакалъ и доткнулся
Древкомъ копья своего до его золотаго престола.
Въ полночь оставилъ Бѣлъ-городъ, окутался синею мглою,
Кинулся звѣремъ и скрылся; а утромъ, подвезши стрикусы,
Спибъ новгородскія створы; разбилъ Ярославову славу;
Бросился волкомъ къ Немигѣ съ Дудутокъ. А на Немигѣ
Головы стелютъ снопами, молотятъ стальными цѣпами,
Жизнь кладутъ на току и вѣютъ душу изъ тѣла.
Кровью затопленный берегъ Немиги не жатвой засѣянъ
Былъ, а костями русскихъ сыновъ“...
(Пѣснь IX-я).

Это занятіе „вымолачивать душу изъ тѣла“ было очень нерѣдкимъ у русскихъ князей-язычниковъ, каковы Всеславъ, Святославъ и др. Вообще самъ народъ называлъ своихъ князей такъ: князь-богатырь, князь-буй-туръ, князь-волкъ, князь-леопардъ и т. п. И это хорошо характеризуетъ ихъ звѣро-нравныя наклонности: тамъ, гдѣ ставились преграды ихъ честолюбію или властолюбію они не останавливались и предъ братоубійствомъ. Но христіанство научило, что есть другой подвигъ, достойнѣйшій человѣка, есть слава вѣчнаго царствія и вѣнецъ нетлѣнія. Для героя оно предложило сознательную рѣшимость пожертвовать собою для высшей цѣли, нежели личная слава, власть и нажива, ради которыхъ русскій-язычникъ съ дикимъ упорствомъ и отчаянной отвагой „вымолачивалъ душу изъ тѣла“. Христіанство вразумило, что есть другая побѣда и иное завоеваніе. Оно сказало, что истинная слава человѣка состоитъ въ побѣдѣ не

надъ „погаными половцами“, а надъ собственными нечистыми помыслами. Одолѣніе гпусныхъ страстей, вотъ величайшая побѣда, невозможная иногда и для величайшихъ побѣдителей народовъ! Научая сему, христіанство строго, рѣшительно и всенародно обличало злодѣяніе князей и полагало на ихъ имена клеймо злодѣевъ, несмываемое вѣками. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательно извѣстное событіе—убіеніе князей Бориса и Глѣба братомъ Святополкомъ. Сказатель „житія“ этихъ князей —мучениковъ, обращаясь къ Вышегороду, гдѣ почивали ихъ св. мощи, говоритъ: „Стѣнамъ твоимъ Вышегороде, устроихъ стража весь день, и всю нощь ніже воздремлета ні устнета хранящеи отчину свою рускую землю отъ супостатныхъ поганыхъ и усобныя рати. Праведникъ бо по смерти живъ есть, сія кровъ и до кончины вѣка не престаетъ вопіюща Богу, на беззаконнаго и гордаго Святополка, паче же реку Поганополка, безглавнаго звѣря“(28)... Подъ вліяніемъ христіанскаго взгляда, естественно измѣнился самый характеръ князя. Такъ, самъ Владиміръ до крещенія былъ жестокъ и не щадилъ крови русской; а послѣ онъ не рѣшался казнить даже и злодѣевъ. „Для чего не караешь злодѣйства“? спрашивали его пастыри церкви. „Боюсь гнѣва небеснаго“, отвѣтствовалъ Владиміръ. Подобно тому Владиміръ Мономахъ въ своемъ знаменитомъ завѣщаніи дѣтямъ убѣждаетъ: „О дѣти мои!... любите человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодѣянія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время... Будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, поелику жизнь и душа христіанина священна“(29). Образъ мыслей князя рѣшительно вліялъ на перемѣну богатырскаго духа его сподвижниковъ—дружинниковъ. Пѣсни временъ Владиміра изображаютъ „битвы и подвиги, свадьбы и пиры, составлявшіе

(28) Трефологій и житія святыхъ. Рукопись XVI-го вѣка, собственной библіотеки автора.

(29) Гр. Крамаревъ. О вліяніи христіанской вѣры на политическое могущество Россіи. Кіевъ. 1849 г. Стр. 32—34.

внѣшній строй тогдашней жизни, въ которой слышатся воля и приволье. Но весь этотъ шумный міръ, еще много хранящій въ себѣ слѣдовъ недавняго язычества, проникнутъ уже лучами Христовой вѣры... Всѣ богатыри—православные, и когда пріѣзжаетъ православный витязь къ неправославному Государю, то обыкновенно повторяетъ богатырское присловье:

„Нѣту у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися“(30).

Народная поэзія облекла въ христіанскій нравственный идеалъ самаго любимаго своего героя—богатыря Илью Муромца. „Въ ея сказаніяхъ, составившихся уже подъ вліяніемъ христіанскимъ, онъ является нетолько покорнымъ сыномъ матери, но и не проливаетъ понапрасну христіанской крови, щадитъ даже разбойниковъ, поднимаетъ оружіе только для защиты народа и вѣры противъ враговъ и язычества, милостивъ къ нищимъ, получаетъ даже свою силу въ награду за милостыню, безкорыстно служитъ, не требуетъ ни золотой казны побѣжденныхъ, ни земель, ни почестей, ни даровъ за свои услуги и готовъ положить свою голову за правду“(31). Даже и тогда, когда необходимость требовала вооружиться и вступить въ бой, богатырь—боецъ уже надѣялся не на свои силы, а на помощь Богородицы. Такъ, лѣтописецъ разсказываетъ о единоборствѣ Мстислава, князя Тмутороканскаго съ Косожскимъ княземъ Редедею въ 1022 году. Борцы схватились. „И ястася бороти крѣпко, и надолзѣ борющимся има, и нача изнемогати Мьстиславъ, бѣ бо великъ Редедя; и рече Мьстиславъ: О Пресвятая Богородица, помози ми, аще бо одолѣю сему, съзижю церковь во имя Твое. И се рекъ, удари имъ о землю, и вынемь ножь, удари и въ гортань пожемъ, и ту бысть зарѣзанъ Редедя“(32). Такъ постепенно переходя отъ богатырской гордой удали, древняя воинственная Русь стала, нако-

---

(30) К. С. Аксаковъ. Сочиненія историческія. Москва. 1861 г. Богатыри временъ вел. кн. Владимира. Стр. 339—340.

(31) Ст М. Сольскій. О библейскомъ міросозерцаніи въ жизни древнерусскаго народа. Стр. 21-я.

(32) Н. Е. Брандербургъ. Историческій каталогъ С.-П. Артиллерійскаго музея. 1877. Ч. 1-я, стр. 177-я.

нецъ, подъ знаменемъ креста. Эта существенная перемѣна запечатлѣна и на самомъ челѣ боевой русской рати. Ея боевые шеломы, знамена—стяги и пр., все было украшено священными христіанскими изображеніями. Лѣтописецъ, напр., подъ 1151 годомъ передаетъ, что князь Изяславъ лежалъ раненый на полѣ битвы: „и ту хотѣша и Кияне пѣшцы убити, мняще ратного, не знаюче его; Изяславъ же рече: князь есмь! И единъ отъ нихъ рече: а такъ ты еси и надобѣ, и вынза мечъ свой и нача и сѣчи по шелому; бѣ же на шеломѣ надъ челомъ написанъ святый мученикъ Пантелѣмонъ златъ и удари и мечемъ, тако вшибеся шеломъ до лба“(33). Что съ изображеніемъ святыхъ на шеломѣ соединялись молитвенныя надежды на ихъ помощь, это несомнѣнно. Въ 1216 году Ярославъ (въ крещеніи Ѳеодоръ) Всеволодовичъ былъ разбитъ Мстиславомъ Новгородскимъ, при чемъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ сбросилъ съ себя даже вооруженіе. Въ 1808 году его шлемъ былъ найденъ на мѣстѣ битвы и теперь хранится въ Московской оружейной палатѣ. На немъ надпись: „великій архистратиже Господень Михаиле, помози рабу своему Ѳеодору“(34). Также и на знаменахъ—стягахъ господствовали священныя изображенія, а нѣкоторыя, какъ напр. знамя царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, хранящееся въ С.-петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ, представляютъ собою цѣлый иконостасъ(35). Все это краснорѣчиво гласитъ, что русскій народъ рѣшительно призналъ надъ собой власть и покровительство Бога, а въ себѣ самомъ воспиталъ духъ Христа—смиреніе и самоотверженіе.

Христіанство нетолько перевоспитало князя—витязя, но воспитало и своего богатыря—героя духа. И какихъ богатырей духа не видѣла русская земля! Эти богатыри духа—наши достойнѣйшіе иноки. Весьма благотворное всегда, иночество было особенно благопотребно и благотворно въ первые вѣка существованія русской церкви.

---

(33) Тамъ же. Стр. 178.
(34) Тамъ же. Стр. 176-я, примѣчаніе 13-е.
(35) Тамъ же. Стр. 285—294.

Тогда необходимы были труды распространенія и утвержденія христіанства на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества. Требовались громадныя средства, многочисленные труженники съ истиннымъ призваніемъ и преданностію дѣлу, но откуда было ихъ взять? И вотъ всевыносящее русское мужество подняло на рамена свои крестъ Христовъ, съ безпредѣльнымъ самоотверженіемъ прошло отъ устьевъ Днѣпра и до верховьевъ Камы, готовое на всякій трудъ ради Бога и нестрашащееся ничего, кромѣ Бога! Несравненное превосходство инока предъ витяземъ сказалось въ первое же время существованія русской церкви. Витязь, разъяренный блескомъ булатнаго меча и золотаго шелома, забывалъ все и, ради своей славы, яростно бросался въ кровавую сѣчу. Инокъ, кротостью побѣдивъ себя въ себѣ самомъ, согрѣтый лучемъ Евангельской истины, также оставлялъ все, но—только ради славы Божіей и любви христіанской, ни съ чѣмъ несравнимаго блага—залога вѣчнаго блаженства. Князь витязь во всеоружіи громилъ Византію и мечомъ грозилъ цивилизаціи; рабъ Христовъ—инокъ проникалъ въ сѣверныя тундры и осѣнялъ знаменемъ вѣры дикихъ поклонниковъ Велеса. Цѣлые сонмы иноковъ, водворясь на лонѣ первобытныхъ лѣсовъ нашего неблагопріютнаго сѣвера, насаждали здѣсь ту же святую основу жизни—православную вѣру, а вмѣстѣ съ ней истинно-человѣческое благоустройство. Иночество всюду было благотворно: оно устрояло храмы Божіи и при нихъ училища, приготовляло въ нихъ достойныхъ лицъ для высшаго служенія въ церкви, проповѣдывало Евангеліе язычникамъ, вело доблестную, даже крайне-ревностную борьбу съ ересями и расколомъ. Оно, первоначально ничего не требуя отъ міра, снисходительно принимало лучшіе дары его и оно же снова возвращало ихъ народу, когда онъ имѣлъ въ томъ насущную нужду. Но главная, ни съ чѣмъ несравнимая заслуга иноковъ, это постоянное воздѣйствіе ихъ образцовой, въ особенности подвижнической христіанской жизни, которая затмѣвала всякую славу мірскую. Эта неусыпная молитва, это всевыносящее терпѣніе, эта непоколебимость при всяческихъ искушеніяхъ даже до смерти, глубочайшее

смиреніе и всепокорность ради Господа, всѣ эти черты иночества столь привлекательны были и будутъ для народа, что онъ ничего не знаетъ и не предполагаетъ знать лучшаго, какъ житіе инока. Простолюдины, бояре, князья и цари древней Руси предъ смертію обыкновенно принимали этотъ „ангельскій образъ". Народъ нашъ чтитъ святыхъ иноковъ и какъ чтитъ! Онъ благословляетъ имена ихъ, празднуетъ достопамятные дни ихъ кончины, лобызаетъ ихъ мощи, на груди своей въ натѣльныхъ образкахъ онъ носитъ частицы предметовъ, освященныхъ ихъ присутствіемъ или употребленіемъ, въ крестахъ напрестольныхъ онъ хранитъ часть ризы Преподобнаго Сергія, часть шубы св. Кирилла Бѣлозерскаго и пр. Непрерывной волной народъ православный стекается въ древнія иноческія обители: отъ Евдокіи мученицы и до „бѣлыхъ мухъ" безъ устали онъ шествуетъ въ Кіевъ и Почаевъ, къ Троицѣ—Сергію и къ Соловецкимъ чудотворцамъ. Обозрѣвая многотысячную толпу поклонниковъ, покрывающую склоны кіевскихъ горъ, поэтъ—патріотъ (А. Хомяковъ) спрашиваетъ:

„Вы откуда собрались, богомольцы на поклонъ?"
Богомольцы отвѣчаютъ:
—Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса полей.
—Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей.
—Край мой—теплый брегъ Эвксина,
—Край мой—брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ.
—Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная.
—Мнѣ отчизна—старый Псковъ.
—Я отъ Ладоги холодной,
—Я отъ спнихъ волнъ Невы,
—Я отъ Камы многоводной,
—Я отъ матушки—Москвы!

Итакъ, со всѣхъ концовъ Россіи, сюда, во святыя обители, неудержимо стремится православный народъ, здѣсь

онъ кормится, молится, учится, подвизается и умираетъ въ надеждѣ жизни вѣчной. Здѣсь, во всѣ времена онъ ковалъ свой желѣзный характеръ, перенесшій всякія историческія бури. Высота и сила этого христіанскаго характера обнаружились блестящимъ образомъ: подъ воздѣйствіемъ Духа Божія въ средѣ русскаго народа воспитывались такіе богатыри, которые дѣйствительно вели побѣдоносную борьбу даже и со стихіями. Это подвижники, стоявшіе на такой высотѣ вѣры и крестоноснаго подвига, о которой апостолъ Павелъ сказалъ, что она „погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“ (I Кор. 1, 18). И по истинѣ велика эта „сила Божія“ въ душѣ, подъявшей крестоносный подвигъ юродства. Греко-римскій міръ гордился своими философами стоической школы, гимнософистами и т. п., индійскіе факиры славятся самоистязаніемъ и пр. Но ни одна религія и ни одна философія не воспитала характера такого человѣка, который бы, не издѣваясь надъ своей тѣлесной природой, не самообольщаясь мыслью о силѣ своего разума и воли, не удаляясь изъ міра людей, былъ на такой высотѣ духовной свободы и силы, на которой стояли наши святые „Христа ради юродивые“. Это люди, разъ сознавшіе, что всякое земное величіе, всякая сила и всякая слава разбиваются о гробовую доску, упраздняются, нисходятъ въ рѣку забвенія, разъ сознавшіе это, облеклись въ образъ тлѣнія, надѣли рубище, отреклись отъ всякой земной почести, но въ то же время не удалились въ пещеры и пустыни, напротивъ, среди всей суеты міра, среди соблазновъ торжища человѣческой жизни, среди всяческихъ лишеній и оскорбленій, въ борьбѣ даже съ вредными вліяніями стихій и рѣзкими перемѣнами климата, они кротко совершали свой подвигъ жизни, посвященный на вразумленіе людей. Своимъ живымъ, непремѣннымъ и постояннымъ примѣромъ они учили одному—слава и жизнь только со Христомъ! Могущественно было вліяніе этого примѣра на народъ—въ мѣру его вѣры. Необычайное уваженіе русскаго народа ко святымъ „Христа ради юродивымъ“ засвидѣтельствовано иностранцами, которыхъ такъ поражали и самый образъ юродиваго, и глубочайшее къ нему уваженіе,

и сила его слова. Англійскій купецъ Іеремія Горсей, бывшій въ Москвѣ въ 1584—1590 годахъ, въ качествѣ посла королевы Елизаветы, знавшій русскій языкъ, читавшій русскія лѣтописи, такъ описываетъ встрѣчу одного юродиваго съ царемъ Иваномъ Грознымъ. „Во время военныхъ дѣйствій въ Ливоніи царь прибылъ въ Псковъ. Здѣсь, говоритъ Горсей, его встрѣтилъ одинъ человѣкъ, котораго считали святымъ: его звали „Микола – святъ". Увидѣвъ царя, онъ осыпалъ его сильными проклятіями, заклинаніями и угрозами: называлъ его царемъ— кровопійцею, пожирателемъ христіанскихъ тѣлъ и клялся ангеломъ, что онъ не избѣжитъ смерти отъ бывшей въ то время молніи, если онъ, или кто-либо изъ его воиновъ коснется волоска послѣдняго дитяти въ этомъ городѣ, который хранится Божіимъ ангеломъ для лучшей участи, чѣмъ разграбленіе. Онъ говорилъ, что царь долженъ уйти изъ города прежде, чѣмъ возстанесъ огненное облако, которое виситъ надъ его головою (а въ это время дѣйствительно была страшная гроза). Эти слова потрясли царя до того, что онъ просилъ молитвъ святаго о своемъ избавленіи"([36]). Такъ смирился тотъ, предъ кѣмъ трепетали Псковъ, Новгородъ и Москва и всѣ города русскіе. Горсей самъ видѣлъ этого юродиваго: онъ ходилъ нагимъ лѣтомъ и зимою; переносилъ крайнюю стужу и зной: его всѣ боялись и уважали, за нимъ ходили въ слѣдъ весь народъ и царь([37]). Другой англичанинъ, также бывшій посломъ королевы Елизаветы къ царю Ѳеодору Ивановичу, въ 1588-мъ году, Флетчеръ, прекрасный писатель, но крайній лютеранинъ, въ своемъ описаніи Россіи, также свидѣтельствуетъ, что „юродивые ходили совершенно нагими, закрывая лишь среднюю часть тѣла тряпьемъ, съ дикораспущенными волосами на головѣ, которые у нихъ ниспадали на плечи, съ желѣзною цѣпью на шеѣ, съ которой не разставались даже зимою. На нихъ смотрѣли какъ на пророковъ, или людей особливой святости; они пользовались свободой и говорили,

([36]) Л. П. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. Стр. 103—104-я.

([37]) Тамъ же. Стр. 104-я.

что имъ было угодно. По словамъ Флетчера, одинъ изъ нихъ, Василій юродивый укорялъ Грознаго, за его жестокости: онъ причтенъ къ лику святыхъ и его тѣло перенесено въ великолѣпную церковь близъ дворца"(38). Разумѣется, это св. Василій Блаженный, коего мощи почиваютъ въ Покровскомъ соборѣ, а по народному названію въ храмѣ „Василія Блаженнаго". Промыслу Божію угодно было, чтобы святое имя величайшаго изъ подвижниковъ русской церкви—Василія Блаженно-юродиваго соединено было съ „великолѣпнымъ" памятникомъ русскаго церковнаго зодчества, который поставленъ на Красной площади первопрестольной столицы православной Россіи, какъ краснорѣчивѣйшее свидѣтельство о томъ, какой высоты достигалъ православный самоотверженный подвижникъ благочестія, и до какого совершенства возвышался творческій талантъ русскаго народа.

Чѣмъ болѣе укрѣплялся и возвышался духъ христіанскаго ученія и благочестія въ народѣ русскомъ, тѣмъ болѣе и болѣе возрастало могущество русскаго государства. Древняя Русь состояла изъ очень многихъ областей, отдѣленныхъ одна отъ другой географически, населенныхъ племенами, которыя имѣли коренное различіе въ своемъ быту; у каждаго племени, при своихъ условіяхъ жизни, было свое божество или особый взглядъ на него. Покоренная мечемъ и вынужденная платить дань кіевскому князю, разноплеменная Русь, подъ страхомъ смерти, представляла еще нѣкоторый, но весьма непрочный, союзъ. Кн. Владиміръ сознавалъ это и желалъ положить внутреннюю основу для этого союза, вѣру. Для сей цѣли онъ снесъ въ Кіевъ всякихъ боговъ всѣхъ племенъ. Но, въ самомъ лучшемъ смыслѣ, отъ этого могло быть хорошаго развѣ только то, что отдѣльныя племена могли уважать кіевскаго князя, почтившаго ихъ боговъ и давшаго имъ мѣсто рядомъ съ кіевскимъ злато-главымъ Перуномъ предъ своимъ теремомъ на Старомъ Кіевѣ, и— только; но чрезъ это только еще не могло быть, чтобы

(38) Тамъ же. Стр. 104 – 105.

каждое племя стало чтить боговъ другаго племени; а слѣдовательно, не могло духовно породниться съ другимъ племенемъ, разновѣрнымъ. Для сего объединенія нужна была религія, возвышающаяся надъ всякимъ идолопоклонствомъ. А таково именно и было христіанство, которое здѣсь, въ Кіевѣ, на княжескомъ дворѣ, нанесло сразу рѣшительный ударъ всѣмъ идоламъ всѣхъ славяно-русскихъ племенъ. Находя опору въ умной политикѣ Владиміра и подъ защитою его власти, христіанство успѣшно распространялось. Оно было настолько совершенно и благодѣтельно, что вскорѣ по водворенія давало себя сильно чувствовать, усвоенное прежде всего сердцемъ, оно скоро стало искреннею основою взаимныхъ отношеній. А потому насколько прежде религіозная рознь полагала преграду политическому объединенію славяно-русскихъ племенъ, настолько теперь христіанское духовно-братское единеніе сдѣлало совершенно безразличною племенную рознь. Коренное внутреннее единство сказывалось всякій разъ, какъ только происходило столкновеніе Руси съ народомъ иновѣрнымъ. Междоусобные споры и единовѣрныхъ князей, даже кровно-родственныхъ, по разнымъ причинамъ, были возможны; но когда грозили имъ половцы или татары, то громко сказывалось единовѣріе и христіанское братство создавало политическую силу. Не всегда бывало такъ; но въ рѣшительные моменты исторической жизни такъ было.

Если въ основѣ единенія племенъ славяно-русскихъ лежала вѣра, то усиленію и духовному росту государства содѣйствовало законодательство — тѣмъ болѣе, чѣмъ лучше оно восприняло ученіе Христово. До христіанства Русь не имѣла писаннаго закона. Правовыя отношенія опредѣлялись обычаемъ и властью князя, который не всегда былъ вѣренъ добрымъ примѣрамъ своихъ предковъ и нерѣдко дѣйствовалъ или по личнымъ склонностямъ, или по требованію исключительныхъ обстоятельствъ. Христіанство, выяснивъ понятіе о человѣкѣ, положило одну основу его нравственной жизни и по ней опредѣлило взаимныя общественныя отношенія. Евангеліе и было у насъ первымъ писаннымъ закономъ. Но это былъ законъ основной; по нему требовалось соста-

вить законъ общественный—примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ жизни новыхъ христіанъ и прежде всего установить жизнь церковную. Этому отвѣчалъ уже готовый кодексъ церковнаго закона, Византійскій Номоканонъ. Однако это былъ кодексъ Византійскій и его нужно было передѣлать и восполнить по-русски. И вотъ самъ великій князь Владиміръ первый издаетъ церковный Уставъ. Какъ первоначальный, Уставъ Владиміра не могъ строго разграничить церковныхъ дѣлъ отъ гражданскихъ и подчинилъ многія гражданскія дѣла вѣдѣнію церковной власти. Такимъ образомъ, первое законодательство и, вмѣстѣ, жизнь народа на первое время были въ большой зависимости отъ церковной власти и потому естественно народная жизнь въ первое же время христіанства на Руси, безпрепятственно со стороны другихъ вліяній, проникалась духомъ Евангелія. Постепенно, по требованію духа Евангелія, измѣнялось и обычное право, и характеръ княжеской власти. Послѣдующее русское законодательство выдѣляло мірское изъ круга церковной подсудности, но само все-же стояло подъ сильнымъ вліяніемъ духа Евангелія. Преемникъ Владиміра, Ярославъ принужденъ былъ въ своей „Правдѣ“ утвердить коренной обычай языческой Руси—право личной и родовой мести, противное и духу христіанства, и цѣли общежитія, но освященный вѣками; тѣмъ не менѣе, мудрый законодатель старался, по крайней мѣрѣ, умень-шить зло, дозволивъ личную месть только ближнимъ родственникамъ и притомъ въ случаѣ смертоубійства; за прочія же преступленія установилъ денежную пеню. Съ постепеннымъ улучшеніемъ нравовъ на Руси, подъ вліяніемъ св. вѣры, усовершалось и законодательство: а потому, въ сравнительно позднѣйшее время, оно представляетъ уже болѣе замѣтныхъ слѣдовъ сего благотворнаго участія вѣры. Еще въ 1228 году митрополитъ Фотій не допускалъ поединщиковъ ко св. причащенію, а надъ убитыми въ поединкѣ запрещалъ даже отпѣвать погребеніе. Въ послѣдствіи царь Іоаннъ III-й уничтожилъ поединки, противъ которыхъ съ такою силою возставала церковь[39].

---

[39]) Гр. Крамаревъ. О вліяніи христіанской вѣры на политическое могущество Россіи. Кіевъ. 1849 г. Стр. 36—37.

Со всею силою сказалось вліяніе христіанства на законодательство въ существенномъ измѣненіи отношеній между рабами и господами. „Арабскіе писатели говорятъ, что при погребеніи знатнаго Русса, съ нимъ кладутъ и его раба. Изъ договоровъ князей Олега и Игоря видно, что хозяину предоставлялось право продавать челядинцевъ. Еще яснѣе высказалось сознаніе рабства въ Русской Правдѣ, гдѣ рабъ, иначе называемый холопомъ, смѣшивается со вещью и какъ вещь противополагается свободному человѣку. Это понятіе о рабахъ, подъ вліяніемъ вѣры и византійскаго христіанскаго законодательства, благодаря дѣятельности духовенства, существенно измѣнилось“(40). И вотъ при царѣ Иванѣ IV-мъ у господина отнимается право жизни надъ рабами.

Непреложная истина, что и законодательство само сильно въ своемъ вліяніи на народъ только тогда, когда самъ законодатель имѣетъ священный авторитетъ въ глазахъ народа. Въ языческой Руси требованія княжеской воли приводились въ исполненіе по силѣ княжеской власти. Въ свою очередь власть князя имѣла значеніе условное и ограниченное: равный ему въ силѣ, напр. богатырь—дружинникъ, легко могъ и не подчиняться его требованіямъ, по той же причинѣ князь иногда вынужденъ былъ оставлять и стольный отчій городъ(41). Существенно иное стало отношеніе подданныхъ къ княжеской власти, когда она нашла себѣ опору въ авторитетѣ церковнаго ученія о промыслѣ Божіемъ. По ученію Библіи, глава народа—князь или царь стоитъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Промысла Божія: сама Премудрость Божія говоритъ: „мною царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду“ (Притч. 8, 15). А потому, кто подчиняется царю, тотъ подчиняется и власти Божіей; а кто противится царской власти, тотъ, по слову Ап. Павла, Божію повелѣнію противляется (Рим. 13, 2). Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что нашъ

(40) Нилъ Поповъ. О значеніи Германскаго и Византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь, въ первые два вѣка ея развитія. Стр. 40—41 и 53—54. Рѣчи и отчетъ Императорскаго московскаго университета, 1870 г.

(41) К. С. Аксаковъ. Богатыри временъ Владиміра. Стр. 339-я.

народъ, подъ руководствомъ пастырей церкви, съ самаго начала и впослѣдствіи всегда такъ и понималъ значеніе княжеской и царской власти. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнное указаніе находится въ „Житіи Бориса и Глѣба". Сказатель „Житія" говоритъ: „Слышавъ Ярославъ, яко отець его умре, а Святополкъ сѣде в Кіевѣ избивая братію свою... и съжаливыйся велми Ярославъ по отци, и по брату своею, и созвавъ новгородци, и рече имъ братія моя драгая отець мой умерлъ а Святополкъ сѣдѣ в киевѣ избіваяй братію свою, бѣ бо в то время самъ рагозенъ с новгородци. и нехотяхуть ему помогати на Святополка. но помянуша апостольское слово. Братіе Бога бойтеся. а князя чтите, Божій бо слуга есть не туне мечь поясуетъ. но в мѣсть бо злодѣемъ, в похвалу же добродѣемъ. рекоша бо новгородци можемъ княже пособъствовати по тебѣ. собра Ярославъ варягъ 6 тысящь а прочихъ 30 тысящь, и поиде на Святополка"(42). Такимъ сознаніемъ и признаніемъ священнаго авторитета княжеской и царской власти объясняется и всецѣлая, и всепокорная преданность русскаго народа своимъ Государямъ, всегда отличавшая его отъ иностранцевъ. Наибольшая преданность сказалась въ наиболѣе тяжелыя годины испытаній. Эта-то преданность народа власти Государя, законодательство, въ основѣ своей проникнутое духомъ православной вѣры, и братское единеніе во Христѣ всѣхъ православныхъ, вотъ тѣ непоколебимыя основы и опоры нашей государственности, которыя содѣлали Россію по истинѣ великою державой и служатъ непреложнымъ залогомъ ея будущаго, еще большаго возвеличенія.

Девять вѣковъ нашей исторіи—лучшее свидѣтельство той истины, что русскій народъ, возрожденный въ водахъ крещенія, просвѣщенный „свѣтомъ отъ Сіона, возрасталъ духовно и усиливался политически. Сознаніе этой истины было въ немъ всегда, но усиливалось постепенно, по мѣрѣ самаго духовнаго роста и политическаго могущества.

---

(42) Трефологій и житія святыхъ. Рукопись XVI-го вѣка, собственной библіотеки автора. Кія рукопись не произведеніе ли самого автора?

Русскій народъ съ первыхъ дней своей христіанской жизни понималъ и важность дѣла великаго князя Владиміра и благодарно и благоговѣйно чтилъ его, какъ умѣлъ. Святитель Иларіонъ, первый изъ русскихъ, митрополитъ кіевскій памяти Владиміра посвятилъ свое „Похвальное слово". Богомольцы—иноки писали имя великаго князя въ своихъ синодикахъ и молились за него. Сознавая, что вел. кн. Владиміръ, исторгнутый Десницей Всевышняго изъ глубины нечестія, просвѣщенный и просвѣтившій русскую землю св. крещеніемъ, есть великій Избранникъ Божій, церковь признала его святымъ и посвящала храмы во славу его имени. Рядъ страшныхъ событій, на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ, превратилъ въ развалины священные памятники древней Руси, однако память Равноапостольнаго князя не погибла съ шумомъ этихъ развалинъ. „Въ 1636 году кіевскій митрополитъ Петръ Могила, осматривая окрестности Десятинной церкви въ Кіевѣ, разоренной Батыемъ, велѣлъ глубже раскопать примѣченную имъ яму и нашелъ въ ней два мраморныхъ гроба, въ которыхъ, по свидѣтельству надписей, лежали кости св. Владиміра и его супруги, греческой царевны Анны. Митрополитъ взялъ только главу великаго князя; сперва положилъ ее въ церкви Преображенія Господня (на Берестовѣ), а потомъ (въ томъ же 1636 году) въ Великой Кіево-Печерской церкви, гдѣ она находится и понынѣ"(43). Въ настоящемъ столѣтіи и наука почтила память перваго просвѣтителя Руси и перваго учредителя русской школы,—въ 1842-мъ году посвятила его имени кіевскій университетъ: на краеугольномъ камнѣ его положена платиновая медаль, на которой изображенъ крестъ въ сіяніи съ надписью: „во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ". Признавая несравненную заслугу Владиміра для гражданской жизни отечества, потомство почтило его монументомъ, который поставленъ на Старомъ Кіевѣ въ 1853 году 8-го сентября(44).

---

(43) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви. Спб. 1836 г. Стр. 67-я.

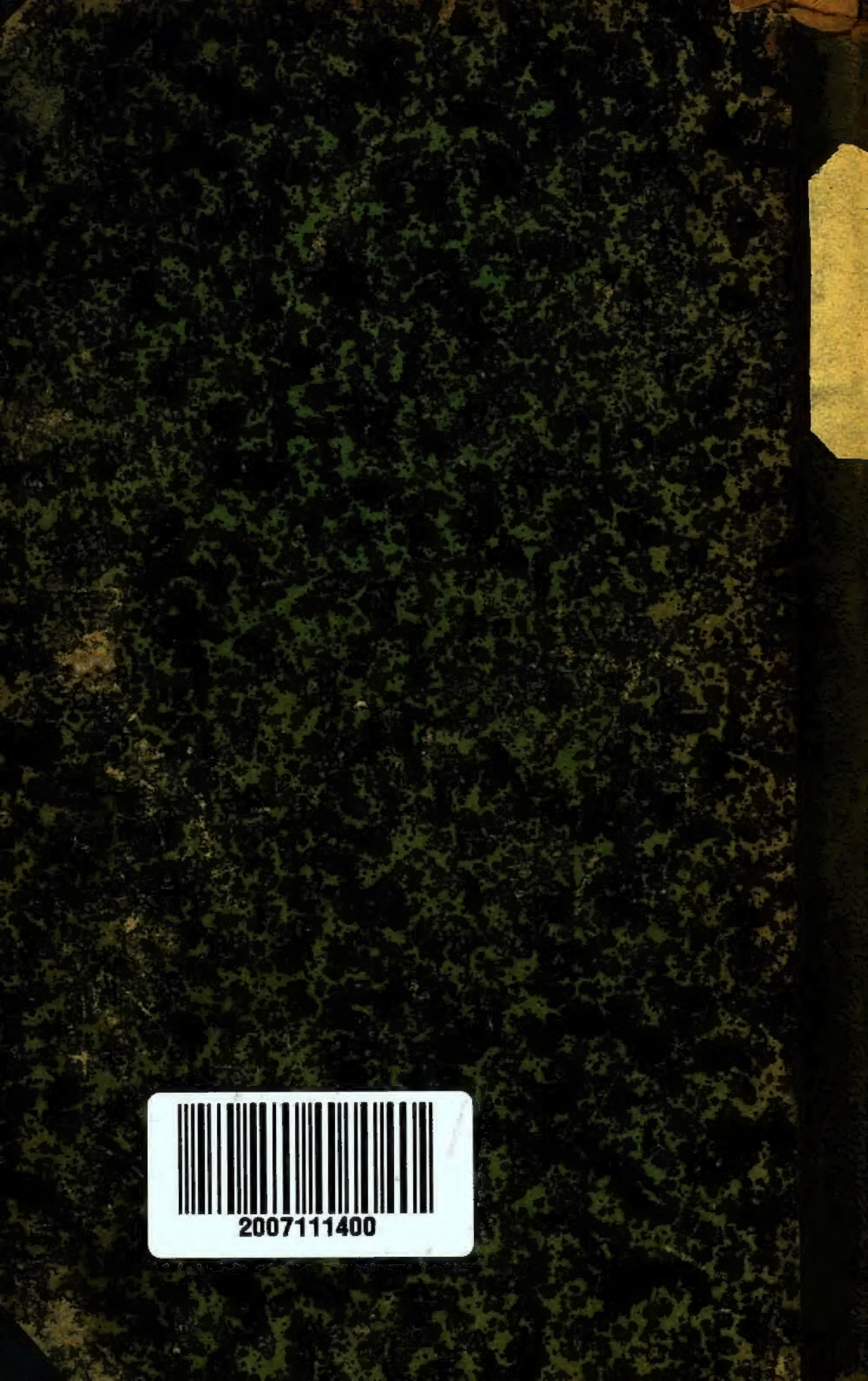
(44) М. А. Максимовичъ. Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи. Собраніе сочиненій. Т. 2. Кіевъ 1877. Стр. 23-я. Н. Сементовскій. Кіевъ, его святыни, древности, достопамятности. Изд. 6-е. Кіевъ. 1881 г. Стр. 210 и 68-я.

Но несравненно превосходный памятникъ Владиміра есть тотъ, который поставилъ себѣ сей Великій князь самъ. Этотъ памятникъ—наша исторія, въ основу которой властною рукою Равноапостольнаго князя Владиміра положенъ краеугольный камень—вѣра Христова, и положенъ навѣки, ибо *основанія инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 3, 11).

Николай Троицкій.

Тула. Печатать позволяется. 1888 г. Іюля 28-го
Цензоръ протоіерей *Георгій Пановъ*.

Типографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.


2007111400